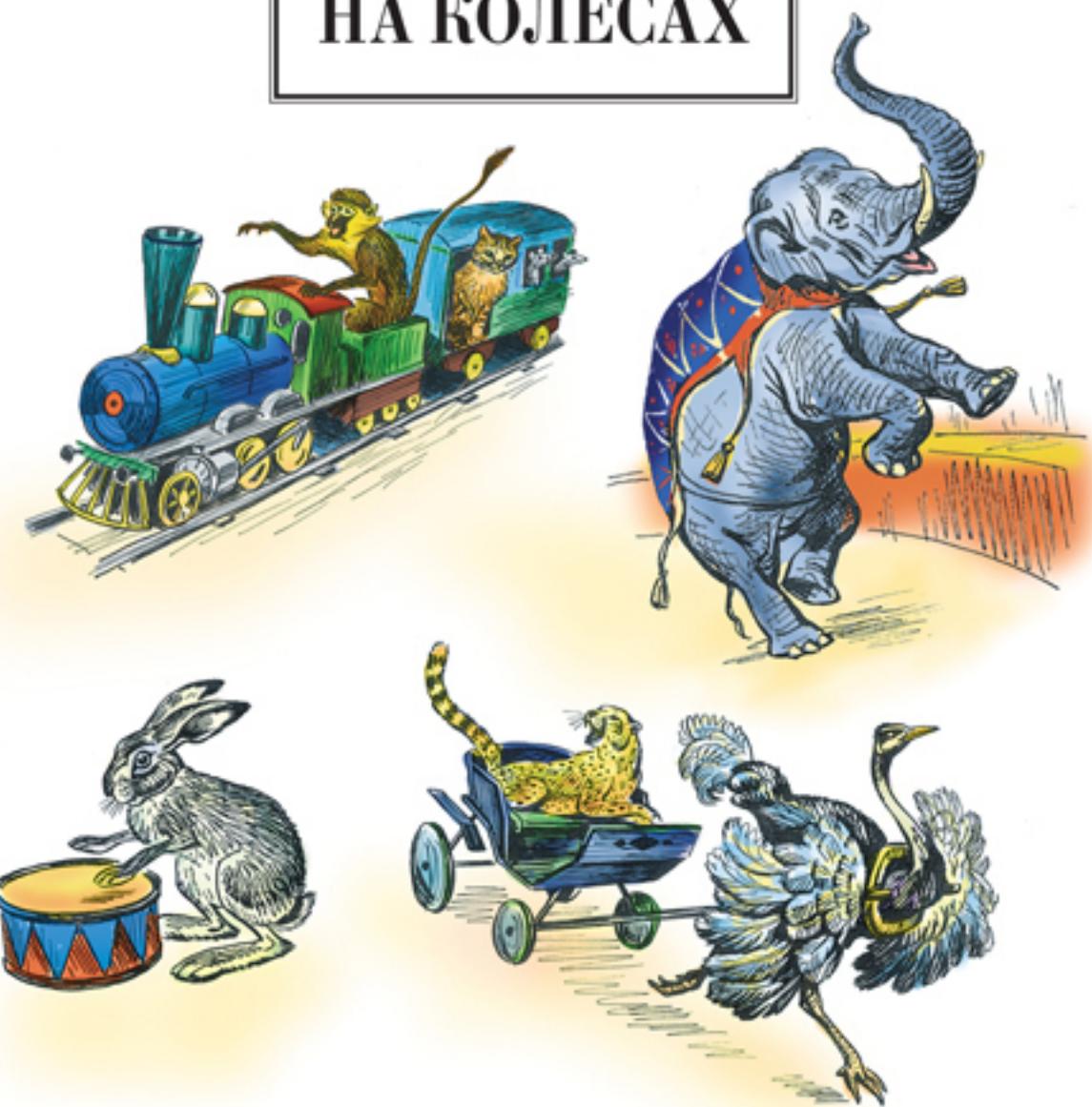

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Наталия Дурова
**МОЙ ДОМ
НА КОЛЁСАХ**

Школьная библиотека (Детская литература)

Наталья Дурова

Мой дом на колёсах (сборник)

Издательство «Детская литература»

1993

Дурова Н. Ю.

Мой дом на колёсах (сборник) / Н. Ю. Дурова — Издательство «Детская литература», 1993 — (Школьная библиотека (Детская литература))

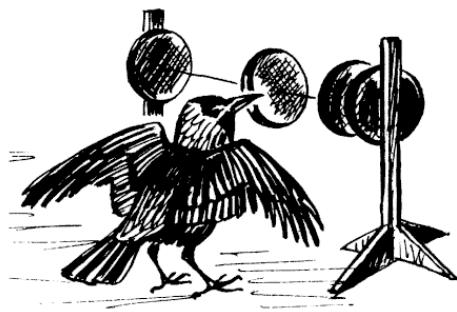
В книге рассказывается о животных – артистах цирка и театра зверей, показана огромная работа дрессировщиков, их любовь к своим питомцам, затрагиваются экологические проблемы.

© Дурова Н. Ю., 1993

© Издательство «Детская
литература», 1993

Содержание

К читателям	6
Мой дом на колёсах	10
Мой дом на колёсах	10
Кто в тереме живёт	12
Как появилась у меня звериная семья	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Наталья Дурова

Мой дом на колёсах

© Дурова Н. Ю., 1993
© Орлеанская С. В., предисловие, 2007
© Извозчикова Л. В., рисунки, 1993
© Оформление серии. ОАО «Издательство «Детская литература», 2007

К читателям

Книга, которую вы держите в руках, называется «Мой дом на колёсах».

Почему она так названа, что это за дом на колёсах, кто в нём живёт? И кто написал эту книгу?

Дом на колёсах – это большой товарный вагон, в котором живут какое-то время необыкновенные артисты –дрессированные животные, переезжающие из города в город, выступающие в разных цирках нашей страны и за рубежом. Эти артисты показывают своё искусство, неся радость зрителям – детям и взрослым.

Дом этот часто меняет адрес, но название у него всегда одно, оно чётко написано мелом на стенах вагона: «Цирк России». Ниже добавлено: «Осторожно: живность!»

Пассажиры в этом доме могут быть разные: и попугай, и кабаны, и обезьяны, и калифорнийские морские львы, и лисички-сибирячки, и голуби, и вороны, и кошки, и собачки, и многие другие артисты-путешественники.

Хозяева этих животных, дресировщики, едут вместе со своими питомцами и должны быть внимательны и чутки к ним. Одним нужно тепло, другим – прохлада. Кто-то испугался толчка вагона и скрежета колёс, занемог от качки, тяжело вздыхает или жалобно пищит. У кого-то болит от ушиба лапка… И дресировщики должны всё замечать. Они для своих питомцев и добрая няня, и заботливая мама, и опытный доктор. Им нередко приходится переставлять клетки, чтобы всем питомцам было спокойно, тепло и удобно. Дресировщики терпеливо занимаются с ними, добиваясь, чтобы «артисты» хорошо считали, прыгали, жонглировали, пели, танцевали и т. д.

У каждого животного есть своя история. Вот озорная зелёная мартышка Чичи решила стать слесарем-водопроводчиком и чуть не устроила аварию. А это индюки Журик и Индя, великолепный домашний инкубатор. У них своя занятная история – это подарок цирку скромного белорусского милиционера.

Есть в цирке особая школа – школа зверей. В ней учатся умный грач Кара, мудрая лисичка Дымка, дружные еноты Тяпа, Ляпа и Мишка, заботливая кошечка Кисоль…

Прочитав рассказы, вы узнаете об удивительной дружбе природных врагов – ежа и мышонка, познакомитесь с единственным в мире дресированым моржом Витей-Витязем, полюбите Чебурашку – лемурчика из Конго, надолго запомните ламу Петьку, его заботу о пеликанах и слонах, и многое другое.

В этой книге быль и сказка живут рядом, а люди и животные разговаривают на языке добра, доверия и понимания. В каждом рассказе – чуткость, нежность и любовь людей к нашим братьям меньшим, забота о них, знание их природы и психологии.

В разделе «Советы юным дресировщикам» автор мудро, доходчиво и подробно объясняет, как можно самим работать с животными. Дрессировать, оберегать их, вместо того чтобы мучить и обижать. И в любом дворе, где живут ребята, доступно создать свой театр зверей и сломать ту жестокость по отношению к животным, которая у детей пока ещё идёт не от сердца, а от избытка энергии. В повести «Большой театр »Малышка» рассказывается, как на юго-западе столицы, в одном из дворов, был создан такой театр самими ребятами.

Написала все эти и другие интересные истории Наталья Юрьевна Дурова, известная писательница, талантливая дресировщица зверей и птиц, народная артистка СССР и России, лауреат Государственной премии СССР и многих других премий. Она – академик Российской академии естественных наук, главный режиссёр театра зверей «Уголок дедушки Дурова». Н. Ю. Дурова щедро наделена разнообразными дарованиями и имеет мировую известность. Это подтверждается всеми её должностями, званиями и наградами.

Дурова – внучка знаменитого артиста Владимира Леонидовича Дурова, клоуна-сатирика, учёного. Он создал особый, безболевой, метод дрессуры животных. Это первый артист цирка, получивший в 1927 году звание заслуженный артист республики. Им был создан и подарен детям замечательный волшебный Уголок. Владимир Леонидович – основатель целой династии цирковых артистов Дуровых, автор научных и художественных книг для детей и взрослых.

Н. Дурова

Родилась Наталья Юрьевна Дурова 13 апреля 1934 года в семье потомственных артистов цирка. Отец её – Юрий Владимирович Дуров, народный артист СССР. Мама, Зинаида Тимофеевна Дурова, артистка цирка, помогала своему мужу.

Старинный дворянский род Дуровых насчитывает около шестисот лет. Это наша гордость, славная история. Военное искусство в этой семье успешно сочеталось с литературным. Широкую известность получил поэт-петрашевец Сергей Фёдорович Дуров и женщина-воительница Надежда Андреевна Дурова, героически сражавшаяся с французами в войне 1812 года, потом создавшая свою знаменитую книгу «Записки кавалерист-девицы».

По семейной традиции, Дурова работать начала рано. Впервые на цирковой манеж она вышла со своим отцом, когда ей было четыре года. В дальнейшем работала уже самостоятельно, создавая собственные номера, вошедшие в золотой фонд российской культуры.

С ранних лет она находилась то на манеже, то в конюшне, то в клетках. Однажды даже была обнаружена в вольере белого медведя, в гостях у самого свирепого хищника.

Дурова с детства кочевала с родителями по всей стране, сопровождала животных в товарных вагонах, в теплушках.

Наталья Юрьевна получила образование ветеринара-диагноста, после окончания школы в 1951 году поступила в Литературный институт им. А. М. Горького, стала членом Союза писателей СССР. Ею написано более тридцати книг для детей и взрослых, не считая переводов книг писателей разных народов. Она пишет сценарии спектаклей для театра зверей, ею создано много сценариев документальных фильмов, диафильмов.

Она работает и работает с самыми разными животными. И даже с такими, с какими до неё никто не выходил на арену цирка. Вот некоторые из них: рысь, кинкажу, носуха, цапля.

Обладая необычайной силой воли и мужественным характером, она может смело войти в клетку к хищнику.

Писать она стала рано именно о том, что хорошо знает и любит, – о цирке, о людях, которые там служат, о животных, с которыми её связали работа и путешествия. Наталья Юрьевна рассказывает, как училась понимать повадки животных, бережно обращаться с ними, дрессировать по дедушкиному методу. Она пишет о гастролях с животными не только по России, но и по всему миру, говорит о том, какими качествами должен обладать человек, чья профессия связана с дрессировкой зверей и птиц, сколько мужества и самообладания нужно тому, кто работает с хищниками.

Эти качества понадобились Дуровой при самостоятельной работе с гепардом Каём. В Хабаровске на арене цирка юная дрессировщица была ранена рысью, но нашла в себе силы закончить номер, несмотря на боль. Об этом случае вы прочитаете в рассказе «Котёнка».

Поездки на БАМ, по Кавказу, гастроли по городам Сибири, Урала, в республики Средней Азии, в Прибалтику давали ей богатый материал для создания полноценных художественных произведений.

Первая книга, «Гибель старого Ямбо», появилась в 1953 году, а вторая – «Ваш номер» – включена в программу обязательного чтения школьников.

Дурова – страстный пропагандист классической и современной литературы. Она ежегодно участвует в проведении Недели детской книги, различных презентациях, живо интересуется творчеством молодых писателей.

Жизненная позиция Натальи Юрьевны Дуровой заключена в названии её двухтомника «Я с жизнью в прятки не играю», вышедшего в 2001 году.

Особое место в творчестве Дуровой как писателя занимают эссе, глубокие философские размышления о жизни, о взаимоотношениях людей и животных, о природе, об экологии, о воспитании доброты и благородства, о судьбе детей. В эссе «Зимний соловей» Наталья Юрьевна пишет: «О, как мне хочется остаться доброй волшебницей в жизни любого малыша, чтобы помочь ему ощутить в себе Человека, сознавшего свой долг перед Землёй, где родился, кото-

рую должен спасти, защитить и потом цветущей передать входящим в мир малышам других поколений».

Совсем недавно вышла её фотокнига о любви бегемота Мушкетёра и слонихи Маши.

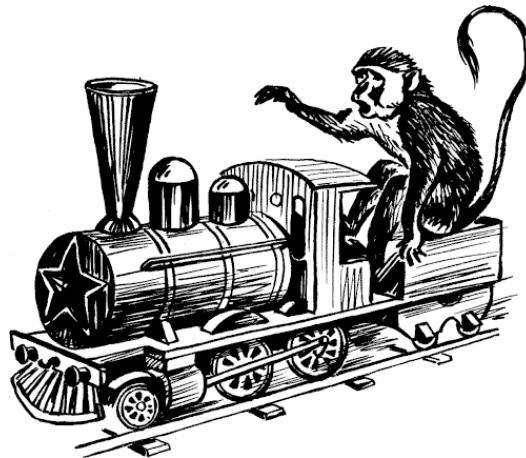
Наталья Юрьевна занимается благотворительной деятельностью, она стремится облегчить жизнь детей, старых актёров, инвалидов. Бесплатные спектакли, материальная помощь, выезды в детские дома и интернаты, больницы – далеко не полный перечень её работы. Все премии, которыми она была награждена, были переданы безвозмездно в Фонд мира и Детский фонд.

В настоящее время, помимо каждодневной работы, Наталья Юрьевна, актриса, руководитель, писательница, занимается воплощением в жизнь мечты всей цирковой династии Дуровых – созданием уникального «Храма детства» для комплексного воспитания подрастающего поколения.

В своих произведениях Дурова охотно делится с вами секретами своей работы. Попробуйте дрессировать домашних животных сами, а главное, любите их, заботьтесь о них, помните уроки Натальи Юрьевны Дуровой – уроки настоящей человечности, духовности и доброты.

C. V. Орлеанская

Мой дом на колёсах

Мой дом на колёсах

Мой дом на колёсах. Совсем не потому, что, мешая течению улицы, он должен быть передвинут. Нет-нет, колёса, четыре больших колеса, – его фундамент. А улица у него зелёная. Это значит – прямой путь, без задержки, по всем дорогам нашей Родины.

Мой дом – большой товарный вагон, и живут в нём живые чудеса. Он часто меняет свой номер и адрес, и только фамилия всегда чётко написана мелом по вагонным доскам: «Цирк России». А ниже добавление: «Осторожно: живность!»

Я нисколько не обижаюсь, что так выглядит моя прописка, ведь здесь всё своё, особенное, не такое, как обычно в любом доме, в любом дворе. Вместо сторожа – башмачник и стрелочник, которые охраняют наш покой. Башмачник подкладывает под колёса железный башмачок, чтобы не было сильного толчка, а стрелочник следит за правилами движения. Вместо домоуправа – диспетчер, и часто откуда-то издалека по микрофону я слышу: «Вагон такой-то, цирк, готов к подаче. Отправляю!» Вслед за этим обязательно кто-то постучит в вагонную дверь и скажет:

– Эй, звери, слышите? Отправляем!

– Слышу, – улыбаюсь я, отвечая за обитателей своего дома.

Паровозный гудок, равномерная цепочка толчков от вагона к вагону – и мы в пути. Днём от быстрого движения поезда мне кажется, что мой дом играет с солнцем в прятки. Под вечер, когда солнце уже устало, запутавшись в телеграфных проводах, словно отстает от нас, в синеве за поворотом появляется луна. Она тоже бывает разная: то острый тоненький серпик, то яркий пристальный глаз морского льва, не мигая глядящий в оконца нашего дома на колёсах. И то ли потому, что луна похожа на глаз Леля – так зовут моего морского друга, – то ли потому, что на луне давно обнаружены лунные цирки, я всегда к этой планете отношусь с нежностью. Да и то, что я хочу вам рассказать о жизни своего забавного дома, может быть, что-то внесёт новое в представление о цирке, таком ярком, праздничном, каким вы его привыкли видеть всегда, как я – луну. Однако невидимая сторона жизни луны пока доступна лишь самым удивительным на свете людям – космонавтам – и точным приборам.

Итак, мой рассказ о невидимой жизни дома на колёсах – товарного вагона с фамилией «Цирк России», который доступен и понятен мне, ведь я здесь родилась.

Кто в тереме живёт

Всё как в сказке – терем-теремок. Кто живёт в моём доме? Африка и Север, юг Калифорнии и Сибирь.

Африка – это обезьянка шимпанзе Пупа, Север – громадный морж Василиса, юг Калифорнии – трио морских львов, Сибирь – лисичка Дымка. И много разных зверюшек, птиц, чьи биографии здесь начинаются с географии. Ну естественно, такой дом-общежитие – самое трудное, многоголосое, почти невозможное для жизни вместе в теремке.

Тепла желает Пупа, кутаясь в шерстяной плед и обиженно вытягивая трубочкой губы.

«У-у! У-ук!» – слышу я, понимая в переводе на человеческий язык: «Зябну!»

Моментально растапливаю печурку. Тогда с другого конца раздаётся глубокий длинный вздох, похожий на гулкий порыв ветра в пургу, – это Василиса возмущается. Ей жарко, тяжело дышать, и мне срочно приходится заново перестраивать теремок, словно я из детских кубиков строю на ходу поезда новый дом.

Клетка влево, клетка вправо: для одних тепло – радость, для других – бедствие. Иной раз я призываю себе в помощь ветер и солнце. Подул ветерок, разогнал облачко дыма от печки и заставил трепетать ноздри у всех моих домочадцев. Раздаются шипение, вздохи и чих, но все довольны обдавшей их свежестью воздуха. Солнце в пути становится для нас доктором Айболитом. Кто испугался толчка вагонов или скрежета колёс на рельсах, кто занемог от качки в пути, тот тянется к солнечному лучу, забывая все неприятности переезда, а мне, словно при прожекторе, становится заметно то, чего я не увижу при несмелом колеблющемся пламени свечки.

Правда, ночью, когда мимо оконца пролетают десятки станционных огоньков или сотни городских, напоминая ёлочные гирлянды лампочек, а в моих клетках загораются свои огоньки, а в иных лишь по шороху я чувствую обитателя, я не сразу зажигаю свечку. Так мне вдруг начинает казаться, что я попала сразу и в лес, и в поле, и ещё далеко-далеко, где нет берегов, только вода, только светящиеся фосфорическим нежно-зелёным светом точечки глаз морских животных. Я как бы попала в огромный океан. Это он прячет свои тайны и в ракушках, и в рыбёшках, и в морских звёздах, и в ежах, и, конечно, в тех львах и моржах, что со мной в пути.

Свет свечи в фонаре чуть гасит настороженную яркость глаз моих питомцев и возвращает меня к действительности. Я – дрессировщик. Везу животных на гастроли, ведь они артисты,

те самые ожившие игрушки: обезьянка, собачка, лисичка, ворона, голубь, морж, лев, которым вы аплодируете в цирке. Они желанные, добрые спутники радости и детства. Я думаю об этом, решая вам рассказать по порядку историю каждого из них. Кто знает, быть может, это кроме ваших улыбок и хлопков принесёт им ещё ваше уважение и чуткость, и тогда, я верю в это, вы полюбите лес и море, поле и горы настолько, насколько дороги они и мне.

Как появилась у меня звериная семья

– Кем ты хочешь быть? – спрашивали меня, когда я была маленькой.

– Дрессировщицей! – без промедления был ответ. И это было понятно: в семье все дрессировщики, не отставать же и мне в свои шесть лет.

Тогда у меня были друзья детства – звери и птицы большой, разношёрстной, разнопёй семьи моего отца. Каждый дрессировщик имеет такую семью. Чаще всего семьи эти состоят из братьев меньших, населяющих нашу планету. Грозные цари саванн – африканские львы или нежные говорливые попугаи, весельчаки медведи или почти игрушечная копия табуна грациозных лошадок. В цирке с давних пор такой табун принято называть конюшней дрессированных лошадей.

Всё, конечно, зависит от характера и привязанностей дрессировщика. Но мои родители Дуровы отличались от всех тем, что семья животных состояла из такого множества разных существ, что мне очень трудно было определить, кого же я, когда вырасту, возьму в свою семью. Тогда я любила всех подряд: и зайца, и слона, и собаку, и свою личную морскую свинку. Морской она только называлась, а на самом деле была самой сухопутной и поэтому утонула в корытце с водой, из которого я сделала ей море. Теперь я понимаю, что морская свинка погибла из-за меня, а тогда, плача, я говорила:

– Папа, отчего так случилось? Может быть, я не так сделала море и оно оказалось злым? Отчего??!

– Бедная моя Наташа! Каждое животное – загадка. Отгадать её непросто. Нужно очень много учиться. Вот подрастёшь и узнаешь, кому же действительно здесь, в цирке, нужно море и к кому оно становится злым. А пока, чтобы ты так не плакала и старалась меньше ошибаться, я дарю тебе два моря. Одно настоящее – оно здесь, в этой раковине с Курильских островов. Послушай, как шумит. Должно быть, там волны, штурм, прибой. Впрочем, ты никогда ещё не видела моря. Научись его сначала чувствовать в этой раковине, и я покажу тебе настоящее, чтобы эти слова стали тебе понятны. Второе море ты попробуешь сделать сама – вот аквариум с рыбками. Постарайся, чтобы теперь море не было злым и рыбкам там было уютно жить.

С первым детским горем пришла ко мне мечта, которая поселилась в раковине с Курильских островов. Много лет я хранила её, потому что она и определила, кто же будет главным в моей звериной семье. Конечно, морские животные! На бумаге семья уже называлась: «Аттракцион „Морские львы и морж“». Пока же нас было только двое: я и малыш Лель – морской лев, получивший в шутку паспорт: Лель Натальевич Дуров-Калифорнийский. С него-то всё и началось.

Под Москвой, на станции Планерная, есть база Зооцентра. Что это такое? Почти как зоомагазин. Сюда из всех уголков земного шара прибывают зверюшки и птицы. Зообаза похожа на пансионат для зверей. Здесь они ожидают путёвку в жизнь, которую будут вести дальше. Одни станут украшением зоопарка, другие пополнят юннатские уголки, трети будут получать образование в цирке, а четвёртые совершают свой подвиг в научно-исследовательском институте.

На Планерную я попала из-за Леля. Я очутилась там потому, что Лелю срочно нужно было найти товарища. И вот в Подмосковье прилетело существо, которое ещё несколько недель назад ощущало только небо над головой. И небо с солнцем всегда отражались в океане, когда не было волн. Тогда морской львице было спокойно и уютно в том доме, где она родилась, как рыбкам из моего детства. Дом, конечно, берег Калифорнии, а место жительства – море. Львица умела плавать, но летать... Однако она совершила свой первый полёт. Вернее, перелёт. Прилетела, чтобы стать подругой Леля, и тотчас получила у меня красивое имя – Купава.

На Планерную я приехала рано утром. Зообаза-пансионат выглядела приветливо. Я увидела коттеджи для слона и бегемота, для моржа и тигра, для волнистых попугайчиков и для страуса эму. Интересно было наблюдать всех обитателей странной гостиницы. Кто-то резвился, кто-то грустил. Купава грелась на солнце. Для лучшего знакомства с ней я привезла с собой филе трески. И, очень вежливо представившись, решила её угостить.

– Знаете, дорогая моя, вам привет от Леля и гостище от меня.

Шоколадного цвета львица скосила на меня глаза. Вид у неё был очень серьёзный.

– Да-да. На человеческом языке с вами разговаривать нельзя. Не понимаете?! Тогда жестами. – И я точно так же, как в детстве камешки, бросила ей кусочек трески в воду.

Он шлёпнулся мягко, и всё же от него стали расходиться медленные зыбкие круги. Львица недовольно заёрзала на деревянной решётке, напоминающей пол в душе.

– Простите меня, пожалуйста. Виновата. Моя рыба прекрасно очищена, ведь вы так никогда не ели в море. По запаху – рыба. Я вижу, что вы это чувствуете. Так! А по виду? Вы правы! Когда мне однажды предложили вкуснейший наваристый суп, я его съела, а потом так же, как вы сейчас, застыла в ужасе. Суп был из лягушек. Вам надо просто салаку или селёдку.

Слушая наш односторонний разговор, так как я говорила, а львица выжидающе молчала, ветврач улыбнулась и сказала:

– Мы предугадали ваше желание. На кормовой кухне уже готов для этой красотки завтрак. Как её теперь зовут?

– Купава!

Львица вздрогнула и быстро побежала от нас прочь. Шоколадная шкурка в движении вдруг сделалась перламутровой. Шла львица легко. Её точёная головка с миндалевидными глазами была запрокинута в нашу сторону.

– Ну зачем же так пугаться? Ведь волнуемся-то мы вместе. Сейчас я исправлю свою ошибку.

Теперь уже с полным тазиком рыбы я перед обаятельной Купавой. Начинаем кокетничать. Рыбка у меня в руке, я держу её за хвостик. Скользкая, серебряная, она колышется при движении и кажется живой.

– Р-раз! Вот это бросок! В самый дальний конец бассейна. Придётся вам нырнуть.

Никакой реакции. Тревога вытеснила у Купавы аппетит.

– Ну что ж! Я подожду до обеда. Буду сидеть как вкопанная, чтобы вы меня не боялись и привыкали.

Купава следила за каждым моим жестом. Так прошло около часа. Потом ей, видимо, надоело сидеть без движения, она приняла иную позу. Осанка её была гордой. Пренебрежительно окинув меня быстрым, словно выстрел, взглядом, львица подняла задний ласт и стала почёсывать шею. Ласт длинный, согнутый так, что сразу стали заметны продолговатые коготки, очень напоминая красивую кисть человеческой руки.

– Вы решили заняться туалетом! А мне что прикажете делать? Понятно – молчать. Если я буду молчать и покажусь вам булыжником или дорожным столбом, вы меня перестанете бояться. Договорились. Итак, я – скала. Только жаль, что морю и камню вы верите, а человеку нет.

Ещё час. У меня уже давно было желание шевельнуться – устала спина от игры в окаменелость. Но я этого не сделала, увидев её мордочку прямо перед собой. Желтоватые усы как у кошки, только впечатление, что они из толстой капроновой нитки.

Купава стала лениво почёсывать усы о решётку возле меня. Быстро-быстро я наклонилась к тазику с рыбой. Бросок – и салака всплывает в бассейне. Львица не отходит. Тогда, осмелев, я снова продолжаю вести разговор:

– Послушайте, ведь вы же в море ловили рыбу. Вот такую – да??!

Снова взмах – и рыба в воде. А за нею всплеск. Вынырнув, Купава уже не была шоколадной. Чёрный маслянистый глянец обтянул её веретенообразное туловоище, и два маленьких, точно едва намеченных, рога проклонулись в прилипшем, смоченном ворсе – это ушки. Я настолько увлеклась, что даже и не заметила, как опустел тазик. Знакомство состоялось наполовину. Придётся бежать опять на кухню, чтобы попробовать покормить незнакомку прямо с рук.

Теперь я могла себе позволить отдохнуть и поинтересоваться окружающими. В загоне нервно разгуливал страус. Ему, по-видимому, мешали разворковавшиеся сизые дикари голуби. Я пошла дальше. Вдруг мне показалось, что загон припорошён снегом. Снежная позёмка при моём появлении взметнулась и беспорядочно, словно тронутая ветром, закружилась по вольеру. Совсем не снег, да и откуда ему взяться в разгар лета. Целое стадо маленьких трепещущих косуль испуганно металось по вольеру.

– Глупыши, я вас не трону, только полюбуюсь. Какие хрупкие, ломкие ножки! Какие быстрые, летящие прыжки!

– Ломкие? Что верно, то верно, – услышала я голос ветврача. – Вчера один допрыгался...

Сразу за голубями был маленький вольер – закуток, огороженный сеткой. Косулёнок лежал, подобрав под себя ноги. Он смотрел на меня без испуга, с какой-то затаённой болью и часто-часто моргал, подтверждая своё сходство с Бемби. На спине тёмная полоска, а за ней по бокам многоточие белых пятнышек, только издали похожих на снежную порошу.

– Бемби! – Я протянула к нему руку.

Он доверчиво прикоснулся к ней своим лаковым носиком и жарко задышал.

– Хочешь пить! А где же вода?

– Ему уже это не нужно... – вздохнула ветврач. Она вдруг показалась мне озабоченной, усталой. – Пойдёмте. Жаль, но что поделаешь!

– Как это – не нужно! Он же просит, просит...

– Ему помочь трудно. Но он должен помочь питону!

Змея, растянувшаяся, как пожарный шланг, была страшна в своей дремучей силе и отвратительности.

– Питон должен вот-вот полинять, сбросить шкурку.

О, я знаю, как раздеваются питоны. Будто раздваиваются, снимая с себя шкуру, как чулок.

– Доктор, помогите!

– Что с вами?

– Не мне, а Бемби. Я заплачу за него деньги, я сделаю всё, только чтобы он не стал живым завтраком.

– Вы же дрессировщица!

– А вы ветврач. Вы должны быть доброй. Ну пожалуйста, прошу вас! Разве можно губить красоту? Доктор!

Из тазика от рыбы я зачерпнула ладошкой воды. Невкусная, пахнущая рыбой, она доставила Бемби такое удовольствие, что звонкое, как капель, причмокивание заставило нас с ветврачом переглянуться.

– Уговорили. Из-за вас совершаю преступление по должности. Но как же мне его вам оформить?

– Как члена моей семьи.

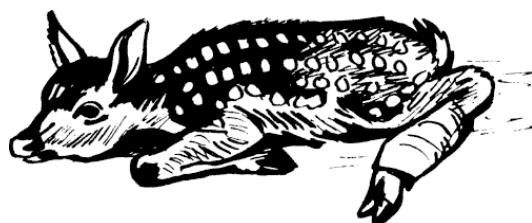
– Знаю! Это для сердца, а вот для бухгалтерии… Кем он был? Живым завтраком? Кем он стал, раз он списан на корм?

– Живым, весомым доказательством вашей доброты, доктора из санатория зверей и птиц – зообазы на Планерной!

– Так. Правильно! Вы мне подсказали: заплатите за живой вес. Ну а теперь ему нужен ремонт. Он так хорош, как заводская игрушка, что хочется сразу его отремонтировать. Сейчас мы ему сделаем шинку и наложим гипс.

И вот уже с забинтованной ножкой Бемби семенит за мной к Купаве.

– Купава, не обижайтесь и поскорее привыкайте к нашей компании. Ведь дорога в цирк вам предстоит именно в этом обществе: Бемби, вы и я.

Бемби, устав стоять на трёх ножках, укладывается подле меня и изредка просительно толкает мою руку. Крошки хлеба он быстро пережёвывает. Ему нужно молоко, но он здесь пока сам живой завтрак, значит, на кухне мне ничего для него не дадут. Мне становится грустно, что в радость этого дня встречи с Купавой вплелось горькое ощущение, что даже в добром зверином пансионате кому-то нужны живые завтраки. Я пытаюсь снова смотреть на всё глазами сегодняшнего утра, но у меня это не получается. Нужно что-то сделать, что-то совершить, чтобы снять налёт подавленности. Я беру Бемби на руки и тихонько прокрадываюсь к вольеру с дикими голубями. Быстро их серое облачко взлетает над головой, потом рассыпается по карнизам зданий, окружающих нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.